

Уже этот краткий очерк ученой и просветительской деятельности Александра Ильича Копанева показывает, сколь разнообразны формы его деятельности и сколь велик вклад ученого в развитие отечественной исторической науки. В лице А. И. Копанева ученый и человек существовали в органическом единстве. Ученый делал человека более мудрым и облагораживал его, человек приносил душевное тепло и яркий свет в творения ученого. Именно этим объясняется, что А. И. обладал поразительным даром видения. Смотрел нередко в скупые данные источников, а видел жизнь во всем разнообразии ее проявления. А. И. Копанев имел удивительное качество располагать к себе людей. Этим объясняется, что он пользовался огромным авторитетом в любом коллективе, с которым приходилось иметь дело.

В лице А. И. Копанева мы потеряли человека и ученого мудрой, большой души и острого ума. Тяжелая утрата.

В. М. ПАНЕЯХ

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ В. Б. КОБРИНА (1930—1990 гг.)

30 декабря 1990 г. скончался доктор исторических наук профессор Владимир Борисович Кобрин — историк, источниковед, археограф. В. Б. родился в 1930 г. Он рано, еще будучи школьником, стал заниматься историей на профессиональном уровне, подготовив работу о казахско-русских отношениях в XVI в.¹ Так же рано — шестнадцатилетним — В. Б. поступил на исторический факультет МГУ. По его окончании в 1951 г. он в течение трех лет работал (по распределению) в Донбассе штатным лектором областного лекционного бюро, а затем по возвращении в Москву — библиотекарем в районной библиотеке. Лишь в 1955 г. В. Б. сумел возобновить научную работу. Этому способствовали поступление в аспирантуру Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, а затем с 1957 г. в течение более восьми лет работа в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

В 1966 г. В. Б. принял приглашение перейти на кафедру истории СССР Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, где он начал свою преподавательскую деятельность в качестве ассистента, а завершил ее, будучи профессором, воспитавшим не только целую плеяду

¹ Кобрин В. Б. К вопросу о казахско-русских отношениях в XVI веке // Вестн. АН Казахской ССР. 1946. № 11 (20).

школьных учителей, чья педагогическая деятельность подпитывалась большой наукой, но и ряд прекрасных научных работников, преподавателей высших учебных заведений, принадлежавших к той же научной школе, что и их руководитель.

В 1989 г. В. Б. покинул МГПИ из-за тяжелой общественно-политической атмосферы, ставшей преобладающей на кафедре и вошедшей в противоречие с его политическими и профессиональными воззрениями. Последние полтора года жизни В. Б. работал в Московском госу-

В. Б. Кобрин.

дарственным историко-архивном институте на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, в коллектив которой он вошел как признанный и авторитетный специалист.

Область профессиональных интересов В. Б. как историка — история России эпохи феодализма, преимущественно XV—XVI вв. Особенно велик его вклад в исследование периода великого княжения и царствования Ивана IV. Научно-популярная книга «Иван Грозный»,² принадлежащая перу В. Б., основана прежде всего на исчерпывающем круге источников, его собственных многочисленных трудах, к которым он приступил еще в 1958 г., а также исследованиях его предшественников и современников.

Тогда же В. Б. начал изучение состава класса феодалов посредством исследования их землевладения, сосредоточив свое внимание не только на размерах владений, но и на их характере, географическом размещении, объеме владческих прав. При этом для В. Б. исследование феодального землевладения не являлось конечной целью, а служило средством для изучения политической истории. Эта исследовательская задача сопровождала В. Б. на протяжении всей его

² Кобрин В. Иван Грозный. М., 1989.

последующей жизни и нашла блестящее решение в его докторской диссертации и изданной на ее основе монографии.³

Преподавание В. Б. в Педагогическом институте предопределило еще одну грань в его творческом облике — участие в написании учебных пособий и учебников специально для вузов этого типа,⁴ а также программ для них. Причастность к воспитанию будущих школьных учителей побуждала В. Б. активно включиться в дело повышения квалификации учителей, уже работающих. Он много писал для журнала «Преподавание истории в школе», сотрудничал с издательством «Педагогика», участвуя в различных сборниках статей. И вообще популяризация исторических знаний, историческое просветительство было одной из многих сторон творческой биографии В. Б. Журналы «Новый мир», «Наука и религия», «Наука и жизнь», «Библиотекарь», особенно «Знание — сила» (где он был частым и желанным автором), альманахи «Прометей» и «Куранты», Детская энциклопедия, еженедельник «Неделя» — вот перечень периодических и эпизодических изданий, на страницах которых регулярно выступал В. Б.

Сочетание научности, доказательности и доступности для широкого читателя — задача, которую ставил перед собой В. Б. равным образом при написании как сугубо исследовательских, так и популярных трудов. Он обладал способностью излагать и ход мыслей ученого, чаще всего своих собственных, и результат анализа доходчивым, ясным языком, занимательно и литературно изысканно.

Вся ученая деятельность В. Б., таким образом, была подчинена двум задачам — с одной стороны, приращению знаний о прошлом путем установления новых фактов и построения на этой основе новых концепций, а с другой стороны, их доведению до сведения возможно широких масс читателей.

Естественной основой всей этой исследовательской деятельности В. Б. всегда были вспомогательные исторические дисциплины и их использование для источниковедческого анализа источников. Здесь В. Б. шел непосредственно вслед за двумя учеными, которые оказали на него наибольшее влияние — С. Б. Веселовским и А. А. Зиминим. Недаром именно их творческому пути посвящены два очерка, принадлежащие перу В. Б.,⁵ а в посмертном издании трудов

³ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985.

⁴ История СССР. Часть первая. С древнейших времен до 1861 г.: Учебник для исторических факультетов пединститутов. 5-е изд. М., 1982 (совместно с П. П. Елифановым, В. В. Мавродиным и другими); Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984; Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А. История СССР с древнейших времен до 1861 года. М., 1989.

⁵ Кобрин В. Б., Аверьянов К. А. С. Б. Веселовский: Жизнь, деятельность, личность. М., 1989; Кобрин В. Б. Александр Александрович Зимин: ученый, человек // Ист. зап. 1980. Т. 105.

А. А. Зими́на он принимал самое активное участие. А. А. Зими́на В. Б. считал своим непосредственным учителем, хотя ни одного дня не учился у него в обычных государственных структурах — ни в университете, ни в аспирантуре.

Археография была объектом исследовательского интереса В. Б., главным образом в бытность его сотрудником Отдела рукописей ГБЛ, хотя и впоследствии он был так или иначе причастен к этой дисциплине. Здесь В. Б. систематически занимался научными описаниями древнерусских рукописей. Одно из них было издано.⁶ Одновременно В. Б. участвовал в выработке методики описания и хранения рукописных книг,⁷ регулярно публиковал (обычно в соавторстве) обзоры новых поступлений в Отдел рукописей — с 1958 по 1966 г.⁸ Наконец, для пополнения Отдела от выезжал в археографические экспедиции в центральные районы России, в частности в Нижегородскую область, откуда привозил ценные материалы.⁹ К этой стороне своей деятельности В. Б. относился с большим энтузиазмом, что и нашло отражение в написанном им блестящем очерке, рассчитанном на широкого читателя.¹⁰

Занимался В. Б. и изданием исторических источников. Уже первая его публикация являлась открытием — ранее неизвестной грамотой, исходящей от царя Ивана IV.¹¹ Ко времени его царствования относятся и изданные В. Б. Кобриным жалованные грамоты Чудову монастырю: одна — самого царя, а другая — князя Владимира Андреевича.¹²

Публиковал В. Б. и частные акты XVI в. (купчие, данные и др.), относящиеся к истории феодального землевладения.¹³ Особо следует отметить частные акты XIV—XV вв. (купчие, докладные меновные) из архива Кирилло-Белозерского монастыря.¹⁴

⁶ Музейное собрание рукописей: Описание. М., 1961. Т. I.

⁷ См.: *Бутина К. И., Кобрин В. Б.* Рукописная книга в библиотеке и музее: (к методике описания и хранения) // Тр. Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1963. Т. VII.

⁸ Записки Отдела рукописей [Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина] (далее — ЗОР). М., 1958. Вып. 20; 1959. Вып. 21; 1960. Вып. 23; 1961. Вып. 24; 1963. Вып. 26; 1965. Вып. 27; 1966. Вып. 28.

⁹ *Кобрин В. Б., Маматова Е. П., Тихомиров Н. Б., Шлихтер Б. А., Шапов Я. Н.* Археографические поездки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в 1957—1958 гг. // ЗОР. М., 1959. Вып. 21.

¹⁰ *Кобрин В. Б.* По избам и книгам: (из записок собирателя) // Новый мир. 1969. № 12.

¹¹ *Кобрин В. Б.* Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV.

¹² *Кобрин В. Б.* Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // ЗОР. М., 1962. Вып. 25.

¹³ *Кобрин В. Б.* Несколько документов по истории феодального землевладения XVI века в Юрьев-Польском уезде // АЕ за 1957 г. М., 1958.

¹⁴ *Кобрин В. Б.* Грамоты XIV—XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // АЕ за 1968 г. М., 1970.

В сфере интересов В. Б. как издателя были и нарративные источники. Им, в частности, опубликовано (по списку ГБЛ, ф. 98, № 457) послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию.¹⁵ Принимал участие В. Б. и в работе по изданию переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским, являясь автором комментариев к посланиям Андрея Курбского.¹⁶ Можно указать и на другие, принадлежащие В. Б. публикации, например на публикацию отрывка из писцовой книги Верейского уезда с описанием запустевшей вотчины известного дьяка Ивана Тимофеева¹⁷ и др. В. Б. регулярно сотрудничал в «Археографическом ежегоднике» и журнале «Исторический архив» (пока последний не был закрыт по идеологическим мотивам), либо публикуя там источники, либо давая их подробную характеристику.

Издавая тот или иной источник, В. Б., как правило, сопровождал его подробной источниковедческой характеристикой и тем самым не только устанавливал новые достоверные факты, но и показывал, как они дополняют, корректируют или даже изменяют тот фрагмент картины прошлого, к которому они относятся.

Так, например, публикацию двух жалованных грамот XVI в. Чудову монастырю В. Б. сопровождает обширным их исследованием, которое позволило ему выдвинуть гипотезу относительно феодального иммунитета в годы опричнины, до того не исследованного, высказать ряд новых идей, касающихся внутренней политики Ивана Грозного накануне и во время опричнины, политической борьбы в эти годы, в частности отношений между Иваном IV и Владимиром Андреевичем Старицким в 1563—1566 гг., между центральной властью и удельными князьями.

Таким образом, В. Б. относился к числу тех ученых, для которых основополагающим принципом была неразрывность археографической и собственно исследовательской работы.

Издание В. Б. ряда актов и задачи, стоящие при их интерпретации в процессе исследования феодального землевладения, поставили его перед необходимостью использования для этого методике *дипломатики* (актового источниковедения).

Поскольку В. Б. стремился привлечь к исследованию все сохранившиеся до наших дней акты, то перед ним неизбежно возникали три проблемы: время возникновения актов феодального землевладения и уже — частных актов, подделки актов и репрезентативность сохранившегося комплекса актов.

¹⁵ Кобрин В. Б. Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию // ЗОР. М., 1966. Вып. 28.

¹⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979; М., 1981. С. 377—380, 405, 408—413.

¹⁷ Кобрин В. Б. Новое о дьяке Иване Тимофееве // Исторический архив. 1962, № 1.

Что касается времени возникновения частного акта, то В. Б. вопреки утверждениям М. Н. Тихомирова и М. Б. Свердлова о раннем его появлении присоединяется к концепции С. Н. Валка, поддержанной рядом историков, согласно которой частный акт возникает на Руси относительно поздно — на северо-востоке не раньше второй половины XIV в. В. Б., основываясь на собственных наблюдениях, приводит ряд новых существенных аргументов в обоснование этой точки зрения. В. Б. обратил внимание на то, что акты рубежа XIV—XV вв. напоминают, скорее, памятные записки, а не сложившийся документ: в них отсутствует четкая схема построения формуляра (редко указывается, где расположена земля, ставшая объектом сделки, не всегда названы свидетели). Кроме того, в этих актах отсутствует клаузула, предусматривающая запрет родственникам продавца или дарителя выступать с притязаниями на землю. Наконец, сами акты невелики.¹⁸

Касается В. Б. и методов выявления подложных актов. В частности, он сам доказал подложность грамоты, датированной 9 октября 1461 г., Василия Темного Ларе Бунаку княж Михайлову сыну Хотетовскому на два села в Вяземском уезде,¹⁹ а также привел дополнительные обоснования в пользу подложности ряда актов, относительно которых либо только высказывались сомнения, либо существовали разногласия (грамоты кн. Олега Ингваревича рязанского Ивану Ивину от 1257 г., жалованная грамота В. П. Измайлову 1556 г. и др.).²⁰

Проблеме репрезентативности сохранившегося актового материала В. Б. посвятил специальное исследование, включившись в дискуссию между Н. Е. Носовым, который считал, что дошедшие до нас акты нельзя считать основным комплексом действительно существовавших актовых материалов, и С. М. Каштановым (поддержанным А. А. Зиминим), который, напротив, утверждал, что дошел не случайный конгломерат грамот, а комплекс, дающий возможность изучать определенные закономерности в выдаче иммунитетных грамот. В. Б. пришел к выводу о недостаточной аргументированности обеих точек зрения. Сам В. Б. не ограничился какой-то одной группой разновидностей актов, а задался целью исследовать, какова вообще сохранность архивов феодальных XV—XVI вв.

Выяснив долю владычных кафедр и монастырей, копияльные книги которых сохранились, во владычно-монастырском землевладении (40 %) и долю сохранившихся актов от монастырей, копияльные книги которых неизвестны, В. Б. пришел

¹⁸ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). С. 33—34.

¹⁹ Там же. С. 19—20.

²⁰ Там же. С. 19—22.

к выводу, что до нас дошло не менее половины актов из архивов всех духовных феодалов XVI в. Эта естественная выборка, как показал В. Б., приближается большей частью к случайной, а следовательно, репрезентативна для изучения процесса роста и развития земельной собственности церкви, наследственного и выкупного права, эволюции формуляра и его локальных особенностей, цен на землю. Вместе с тем сохранившаяся естественная выборка нерепрезентативна для установления объема и характера землевладения отдельного конкретного лица, составления карты феодального землевладения.²¹

В необходимых, вытекающих из характера исторического исследования случаях В. Б. проводит и клаузуальный (дипломатический) анализ актов.

Научные интересы В. Б. как историка привели его и к необходимости овладения методикой *генеалогического исследования*, являющегося одним из основных инструментов изучения политической истории периода феодализма. Свидетельством приобретенного им авторитета в этой области стало привлечение В. Б. к написанию раздела о генеалогии для учебного пособия по вспомогательным историческим дисциплинам,²² где рассматриваются предмет и задачи генеалогии и методика генеалогического исследования.

В. Б. напряженно размышлял о предмете, задачах и перспективах генеалогических исследований, особенно в 80-х гг., когда он сам приобрел богатый опыт практического их применения в трудах по истории феодализма. В частности, В. Б., уточняя от работы²³ к работе²⁴ представление о предмете генеалогии, приходит к выводу о том, что она является исторической дисциплиной, занимающейся «изучением и составлением родословных, выяснением происхождения отдельных родов, семей и лиц, выявлением их родственных связей в тесном единстве с установлением основных биографических фактов и данных о деятельности, социальном статусе и собственности».

Констатируя, что преимущественное внимание уделяется генеалогии и истории класса феодалов, В. Б. приходит к вы-

---

²¹ Кобрин В. Б. К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV—XVI вв. // *Источниковедение отечественной истории*. М., 1973. Вып. 1. С. 171—186. — См. также выступление В. Б. при обсуждении доклада Л. В. Милова (*Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин*. М., 1984. С. 192—193).

²² *Генеалогия и система социального этикета* // Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А. *Вспомогательные исторические дисциплины*. С. 178—207.

²³ Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А. *Вспомогательные исторические дисциплины*. С. 178.

²⁴ Кобрин В. Б. *Перспективы развития генеалогических исследований* // *Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования*. М., 1989. С. 4—5.

воду, что «состояние даже этой отрасли генеалогии нельзя признать удовлетворительным». Он считает, что необходимо издание поздних редакций родословных книг, Бархатной книги, комплекса родословных росписей, подававшихся представителями дворянских фамилий в XVII—XVIII вв. в различные государственные учреждения, создание новых некрополей, составление генеалогических справочников, справочников по библиографии генеалогий. Отстает по степени разработанности генеалогия аристократии XVII—XIX вв.²⁵

По мнению В. Б., «необходима разработка принципиально новой методики исследования» для изучения генеалогий непривилегированных сословий, в частности не вертикальной генеалогии, а горизонтальной, т. е. для установления брачных связей, а также источниковедения генеалогии непривилегированных сословий.²⁶ Для изучения генеалогий советского периода В. Б. считал полезным сбор устной семейной генеалогической традиции. Перспективным было бы использование генеалогических методов для исследования социального состава советского партийного, государственного и военного аппарата, социальных корней сталинизма и социально-классовой сущности нашего государства в 30—50-х гг.²⁷

В своей собственной практике историка русского средневековья В. Б. вслед за С. Б. Веселовским и А. А. Зиминим широко применял генеалогические методы для изучения земельной владений феодалов. Генеалогические росписи и сопровождающие их таблицы родов княжеско-боярской аристократии, составленные В. Б. при работе над книгой «Власть и собственность в средневековой России», содержат полные сведения о землевладении каждого лица и краткие сведения о службе. Эти данные использовались В. Б. для реконструкции истории феодального землевладения и политической борьбы.²⁸ В значительной степени на основе генеалогических изысканий были написаны В. Б. большая работа «Состав Опричного двора Ивана Грозного»²⁹ и кандидатская диссертация, посвященная социальному составу Опричного двора.³⁰

²⁵ Там же. С. 5.

²⁶ Там же. С. 6.

²⁷ Там же. С. 6—7.

²⁸ В приложении к докторской диссертации В. Б. «Землевладение светских феодалов и социально-политический строй России XV—XVI веков» (см. автореферат диссертации (Л., 1983. С. 34)) приводятся с целью ознакомления с методикой исследования генеалогические росписи и сопровождающие их таблицы родов князей Ярославских и Оболенских и потомков Федора Бяконта. Часть их издана посмертно: *Кобрин В. Б. Генеалогические таблицы князей Ярославских (XIV—XVI вв.)//Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI—XVIII веков. Ярославль, 1992. С. 5—26.*

²⁹ *Кобрин В. Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного//АЕ за 1959 год. М., 1960.*

³⁰ *Кобрин В. Б. Социальный состав Опричного двора: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1961.*

Перу В. Б. принадлежит и опыт семейной генеалогии, т. е. использования генеалогических методов при изучении не только родства, отношений по вертикали, но и брачных связей, отношений по горизонтали. Таким образом, В. Б. реализовал свою теоретическую установку, о которой шла речь выше. В частности, В. Б. исследовал семейную генеалогию Протопоповых — Мезецких — Пронских. Это семьи, в чьей жизни тесно переплелись большие политические события XVI в.³¹

Наконец, В. Б. провел большую работу, участвуя в подготовке к посмертному изданию и составлению указателей книги своего учителя А. А. Зимина, в основу которой были положены генеалогические изыскания.³² Он рецензировал также книги по генеалогии.³³

Большое значение В. Б. придавал *исторической ономастике*, которая, являясь частью науки о языке — лингвистики, в то же время может служить и вспомогательной исторической дисциплиной, изучающей историю собственных имен. В. Б. считал, что для историка из всех разделов ономастики наибольшее значение имеют *топонимика* (изучающая географические названия), *этнонимика* (изучающая названия народов) и *антропонимика* (изучающая личные имена). Исторической ономастике в целом и ее разделам В. Б. посвятил большую главу в учебном пособии.³⁴

Сам В. Б. привлек антропонимические данные, в частности формант -ский с его вариантами -цкий, -цкой, для исследования истории феодального землевладения. Им рассмотрены в этой связи княжеские фамилии, социальная обусловленность соотношений между фамилиями, произошедшими от прежних княжеств, и патронимическими фамилиями, сегментация фамилий русской знати XV—XVII вв. Исследование таких сегментаций позволяет, согласно мнению В. Б., изучать локальные особенности княжеского землевладения. В. Б. обратил внимание и на распространение форманта -ский в фамилиях нетитулованных феодалов, что связывается им с вотчинным землевладением, поскольку эти фамилии образованы по «княжескому» типу. Однако В. Б. не абсолютизирует антропонимические данные для исследования феодального землевладения, а считает их важным подспорьем в работе, «своеобразным индикатором,

³¹ Кобрин В. Б. Опыт изучения семейной генеалогии: (Протопоповы — Мезецкие — Пронские) // ВИД. Л., 1983. XIV.

³² Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988.

³³ Кобрин В. Б. [Рец. на кн.:] Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975 // История СССР. 1978. № 3.

³⁴ Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А. Вспомогательные исторические дисциплины. С. 154—177.

заставляющим обратить внимание на те или иные явления, от которых в источниках лишь слабые следы и которые потому могли бы ускользнуть от внимания историка».³⁵

Поскольку антропонимика — «ценная помощница в историческом исследовании прежде всего для изучения персоналии», постольку, как считал В. Б., ее значение особенно велико для генеалогии. И, напротив, знание генеалогии необходимо для успешных занятий антропонимикой. В специально посвященной этой диалектической связи работе В. Б. решает ряд задач, возникающих в процессе исследования русской истории XV—XVI вв.: соотношение между христианскими (календарными) и мирскими (некалендарными) именами, происхождение последних, их социальная окраска, соотношение между некалендарными именами и прозвищами, возникновение фамилий, их типы, эволюция и стабилизация и т. д.³⁶

В. Б. проявлял интерес также и к *исторической социолингвистике*, т. е. к тем сторонам «развития языка, которые обусловлены не столько внутриязыковыми, сколько социальными факторами» и которые тем самым «являются факторами истории общества, а не только истории языка». В этой связи В. Б. указал на социальные аспекты билингвизма (двуязычия) — двуязычие в Селуни и деятельность Константина (Кирилла) и Мефодия; двуязычие в Великом княжестве Литовском; русско-половецкие отношения в XII—XIII вв.; билингвизм русской аристократии XVIII—XIX вв. В сфере внимания В. Б. оказались существующие в языке «регистры» или «социальные коды», служащие своеобразными символами, указывающими на статус пишущего или говорящего и на характер аудитории, к которой он обращается. Особенно заинтересованно В. Б. изучал проблему речевого этикета (обращение к собеседнику, самоназвание, формы, в которых называется имя, эпитеты и титулы, прилагаемые к нему, грамматические формы вежливости, стереотипы выражения вежливости, извинения, внимания, преданности и т. п., формы построения письма и пр.), а также его изменения, отражающие изменения в социальной структуре общества и его политическом строе. Много внимания В. Б. уделил определению источниковой базы исследования. Наконец, В. Б. высказал предположение, что создание истории

³⁵ Кобрин В. Б. Использование антропонимических данных для изучения истории феодального землевладения // Тезисы докладов и сообщений XV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974. Вып. 1. С. 65—67; см. также: Кобрин В. Б. 1) Антропонимика как специальная историческая дисциплина // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. М., 1979; 2) Древнерусские имена и фамилии // Детская энциклопедия. М., 1967. Т. 8.

³⁶ Кобрин В. Б. Генеалогия и антропонимика: (по русским материалам XV—XVI вв.) // История и генеалогия. М., 1977.

русского речевого этикета позволит более точно определить социальный статус авторов документальных и особенно эпистолярных источников, а также дополнить аргументацию, касающуюся их подлинности или подложности.³⁷

Не чужды интересам В. Б. были и другие вспомогательные исторические дисциплины — метрология,³⁸ нумизматика.³⁹

Итак, совокупное, комплексное применение В. Б. методов вспомогательных исторических дисциплин, их интеграция позволили ему подвергать разнообразные источники всесторонней, скрупулезной внешней и внутренней критике для решения крупных общеисторических задач. Он считал, что хотя и «есть основания предостерегать от излишне скептического отношения» к данным источников, но «гиперкритическое отношение» к ним «менее опасно, чем потребительское».⁴⁰ Проблема доказательности исторического исследования волновала его постоянно применительно и к своим собственным трудам, и к тем, которые становились объектом его критического разбора.⁴¹ Он всегда стремился к познанию истины, установление которой никогда не связывалось им ни с априорными суждениями, ни с историографической традицией.

В. Б. был отнюдь не сугубо кабинетным ученым, чей маршрут пролегал только между письменным столом, институтской кафедрой, архивом и библиотекой. Это был жизнерадостный, общительный, расположенный к людям, внутренне свободный и оптимистически настроенный человек с явно выраженными демократическими взглядами и гражданским темпераментом. Еще в 1964 г. он считал своим моральным и профессиональным долгом принять участие в обсуждении работы А. А. Зимина о «Слове о полку Игореве» и поддержать его идею о позднем (вторая половина XVIII в.) происхождении этого памятника. Разве это был не мужественный поступок тогда еще молодого ученого? Между прочим, В. Б. так и остался убежденным в правоте А. А. Зимина.

Нравственное начало было решающим и в жизни В. Б., и в оценке им исторического прошлого и настоящего. Именно потому он с такой страстью выступает с обличением тоталитаризма, идет ли речь о давней истории (эпохе Ивана Грозного) или о прошлом, которое не изжито полностью до сих пор (о сталинщине). Именно потому В. Б. интенсивно

³⁷ Кобрин В. Б. Историческая социоллингвистика: (К постановке вопроса)//Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. М., 1983.

³⁸ Кобрин В. Б. Метрология//Неделя. 1963. № 39.

³⁹ Кобрин В. Б. Не только о кладах//Наука и жизнь. 1974. № 12.

⁴⁰ Кобрин В. Б., Аверьянов К. Л. С. Б. Веселовский: Жизнь, деятельность, личность. С. 12.

⁴¹ См., например: Кобрин В. Б. [Рец. на кн.:] Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958//Вопросы истории. 1960, № 1.

включился в публицистическую деятельность, когда гласность открыла перед ним возможность выступать на страницах еженедельника «Московские новости». А в журнале «Огонек» он впервые в нашей печати подверг открытой критике позицию газеты «Правда».

Последняя, посмертно опубликованная, книга В. Б., его лебединая песня, «Кому ты опасен, историк?»⁴² повествует об этой профессии, на протяжении 70 лет существовавшей под прессом идеологии и все же любимой им, поскольку высокое мастерство, гражданственность и нравственный выбор позволяют служить истине вопреки самым неблагоприятным обстоятельствам.

---

⁴² См.: Кобрин В. Кому ты опасен, историк? М., 1992.